

3. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок // <http://www.schumpeter.ru/reading.php?book=individ&id=19>
4. Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). – М.: Классик Стиль, 2007. – С. 7.
5. Жамсуев Б.Б. Национальная политика современной России. Становление, перспективы. – М., 2000.
6. Дробижина Л.М., Паин Э.А. Особенности этнополитических процессов и становления этнической политики в Современной России // Политические и экономические преобразования в России и Украине / отв. ред. В.Смирнов. – М., 2003.
7. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М., 2004.
8. Прокофьев С.А. Этнополитические конфликты в условиях развития федеративных отношений в современной России: особенности и механизмы предупреждения: дис. ... канд. полит. наук. – Орел, 2007. – С. 123.
9. Зарипов А.Я. Этнос как субъект социально-политического и культурного развития: современный аспект: дис. ... д-ра филос. наук. – Уфа, 2004.
10. Там же. С. 4-5.
11. Радзиховский Л. Европейцы сверху // Российская газета. – 2006. – 7 марта.
12. Малахов В.С. Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис: журнал о будущем. – 2006. №3 (7). Осень. – С. 148.
13. Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. – С. 10.
14. Савельев А.Н. Национальная политика в России // <http://www.savelev.ru/news/more/?id=67>
15. Савельев А.Н. Этнополитика Империи и постимперский этнофедерализм // <http://www.savelev.ru/book/?ch=440>
16. Куштавкина Е.А. Современные проблемы этнополитической ситуации в условиях многонациональной России. Вопросы национальных и федеративных отношений: сб. ст. / под общ. ред. В.М. Михайлова, К.В. Калининой. – М., 2009. – С.98.
17. Пистрякова С.А. Анализ дискуссий о путях этнонационального развития России. Вопросы национальных и федеративных отношений: сб. ст. / под общ. ред. В.М. Михайлова, К.В. Калининой. – М., 2007. – С. 24.
18. Симонян Л.Ю. Проблема политической правосубъектности в современной России // Этнические проблемы современности. Вып. 7: Проблемы культуры межнационального общения и межкультурной коммуникации. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 207.
19. Славинский М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи; интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. – М., 1991. – С. 412.
20. Прокофьев С.А. Указ. соч. – С. 118.
21. Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. – С. 7.
22. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 3010.
23. Паин Э. Об этнополитических рисках Владимира Путина. URL: <http://www.nashavlast.ru/archive/2004/11-04/1.htm>
24. Богданов В. Скинхедов арестовали год спустя // Российская газета. 2008. 6 февр.
25. Тысяча петербургских подростков причисляет себя к группировке скинхедов // <http://www.jewish.ru/news/cis/2009/03/news994272686.php>
26. Выжутович В. Уроки Кондопоги // Российская газета. – 2007. – 9 нояб.

Старостенко Константин Викторович, зав. кафедрой социологии, культурологии и политологии, Орловский государственный технический университет.

Starostenko Konstantin Viktorovich, head of department of sociology, culturology and political science, Orel State Technical University.

E-mail: pilotsky@mail.ru

УДК 300.331.1

А.Т. Тумурова

МОРФОЛОГИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Историческое значение родовой общины заключается в том, что она, по определению Ф.Энгельса, – первая и готовая форма человеческого общества. Реконструкция первобытных отношений на основе толкования норм обычного права позволяет уточнить это известное научное положение.

Ключевые слова: родовая община, дуальная организация, социогенез, филогенез.

А.Т. Tumurova

MORPHOLOGY OF PRIMITIVE SOCIETY

The historic importance of clan-based society lies in the fact that, according to Friedrich Engels, it is the first and completed form of human society. The reconstruction of primitive relationships on the basis of the interpretation of the norms of common law allows to specify this well-known scientific statement.

Key words: clan-based community, dual organization, sociogenesis, phylogenesis.

Родовая община определяется как совместно хозяйствующая группа людей, объединенных кровным родством и браком. Родовой общине присущи следующие признаки: она объединяет людей по признаку общего происхождения и брака; члены группы на основе общей собственности на средства производства вместе трудятся и распределяют продукт между собой на уравнительных началах; родовая община обязательно экзогамна; и родовая община неделима. С точки зрения социогенеза, по-

следний из перечисленных признаков, ранее не замеченный исследователями, имеет важное методологическое значение. Суть явления, обозначенного термином «неделимость», заключается в том, что родовая община не имела механизмов разделения на составные части. Случающийся эпизодически распад единства родовой общины следует рассматривать как ее гибель, а следующий за распадом процесс неизбежной консолидации индивидов в несколько новых коллективов необходимо рас-

сма­три­вать как новый и самостоя­тель­ный процесс, дви­же­ние соци­альной ма­те­рии от са­мого на­ча­ла. По­пыт­ки объ­еди­нить раз­ви­тие пер­вой ро­до­вой об­щи­ны и раз­ви­тие ее по­сле­ду­ю­щих (по­сле рас­па­да ро­до­вой об­щи­ны) форм в один не­прерыв­ный процесс вы­зы­ва­ют прин­ци­пи­аль­ные воз­ра­же­ния. Осо­бен­но гру­бой ошиб­кой ви­дит­ся та­кая по­пыт­ка по от­но­ше­нию к рас­па­ду са­мых ран­них в ис­то­рии че­ловечества пер­вых ро­до­вых об­щин [1].

Итак, ро­до­вая об­щи­на как форма обще­жития воз­ни­кает в ре­зуль­та­те дей­ствия тре­бо­ваний экзо­гамии, с одной сто­ро­ны, и брач­ных норм – с дру­гой. При этом если тре­бо­ва­ния экзо­гамии за­пре­щают ин­цес­тные свя­зи внут­ри ро­до­вой об­щи­ны, то брач­ные нор­мы пред­пи­сы­ва­ют по­ло­вые от­но­ше­ния с пред­ста­ви­те­лями дру­гой **опре­де­лен­ной** об­щи­ны. Та­ким об­разом, брач­ные нор­мы дик­туют на­ря­ду с ро­до­вой об­щи­ной фор­ми­ро­ва­ние ду­аль­ной об­щ­но­сти: две ро­до­вые об­щи­ны, объ­еди­нен­ные бра­ком и со­став­ля­ю­щие эн­до­гам­ную в це­лом груп­пу. Дей­ствие экзо­гамии внут­ри груп­пы и эн­до­гамии брач­ных парт­не­ров – две груп­пы пер­вых соци­аль­ных огра­ни­че­ний, ле­жа­щих в ос­но­ве фор­ми­ро­ва­ния ду­аль­ной ор­га­ни­за­ции. Та­кая ду­аль­ная ор­га­ни­за­ция и есть го­то­вая форма соци­альной об­щ­но­сти.

Та­кой вы­вод су­щес­вен­но уточ­няет со­вре­мен­ные на­уч­ные взгля­ды на су­щ­ность пер­во­быт­ного об­щ­ества, ха­рак­те­ри­сти­ку пер­вых соци­аль­ных ор­га­ни­за­ций. Во­пер­вых, тем, что ис­клю­чает ран­ее пред­по­ла­га­е­мые про­ми­ску­и­тет­ные от­но­ше­ния в ро­до­вой об­щи­не [2]. Со­мне­ния в пра­виль­ности ши­ро­ко рас­про­странен­ного взгля­да на пер­во­быт­ность вы­ска­зы­ва­ли мно­гие уче­ные, в том чис­ле извест­ный ан­тро­полог Б. Ма­ли­нов­ский, за­метив­ший, что на­блю­де­ния при­во­дят к вы­воду о том, что в лю­бом из «примитивных сообществ существуют нормы против инцеста, запрещения спаривания внутри клана, нормы **стро­гой супру­жес­кой вер­ности** (вы­де­лено мною. - А.Т.), сексу­аль­ного по­ве­де­ния во­обще» [3].

Во­вто­рых, ука­зы­ва­ет на ее эн­до­гам­ный ха­рак­тер. Пер­вая соци­альная ор­га­ни­за­ция раз­ви­ва­ется ау­то­ном­но, са­мо­сто­ятель­но ис­клю­чая ге­не­ти­че­ские и иные свя­зи вне эн­до­гам­ной ду­аль­ной ор­га­ни­за­ции, что объ­яс­няет су­щес­ту­ю­щие раз­но­об­раз­ные за­пре­ты на бра­ки с чу­жа­ками. Кроме то­го, вы­де­лен­ная ха­рак­те­ри­сти­ка ро­до­вой об­щи­ны опре­де­ля­ла та­кую за­ко­но­мер­ность соци­аль­ного раз­ви­тия, ко­торая явилась до­пол­ни­тель­ной к ес­те­ствен­ным при­род­но-гео­гра­фическим фак­то­рам, ос­но­вой фор­ми­ро­ва­ния расо­вых и эт­ни­че­ских раз­ли­чий между лю­дь­ми.

В-тре­тьих, ро­до­вая об­щи­на воз­ни­кает вме­сте с дру­гой ро­до­вой об­щи­ной, с ко­торой у нее один об­щий процесс соци­аль­ного раз­ви­тия. В этом смы­сле они не­раз­рыв­но свя­заны друг с дру­гом. Однако ор­га­ни­за­ци­он­но две об­щи­ны са­мо­сто­ятель­ны. Та­кое мор­фо­ло­гическое стро­ение да­ет пер­вой соци­альной ор­га­ни­за­ции не­об­хо­ди­мую струк­тур­ную ос­но­ву для функ­ци­о­наль­ного вза­имодей­ст­

вия, сво­его ро­да кар­кас, ме­ха­низм, обе­спечива­ю­щий ее соци­аль­ное раз­ви­тие. И­так, со­цио­ге­нез и за­ро­жде­ние ро­до­вой об­щи­ны – вза­имосвя­занные яв­ле­ния, ха­рак­тер этой вза­имосвя­зи выра­жа­ется в их вза­имодей­ст­вен­ности.

Сле­дует уточ­нить вы­во­ды извест­ного рос­сий­ского ан­тро­полога Ю.И. Се­ме­нова, ко­торый, выра­жа­я в этом во­просе соли­дар­ность с Ф. Эн­гель­сом, утвер­ждал, что ро­до­вая об­щи­на яв­ля­ется пер­вой и го­то­вой формой об­щ­ества [4]. **Суть уточ­не­ния за­к­лю­ча­ется в том, чтобы при­знать го­то­вым и сфор­ми­ро­ван­ным об­щ­еством не ро­до­вую об­щи­ну как та­кую, а эн­до­гам­ную ду­аль­ную ор­га­ни­за­цию двух экзо­гам­ных ро­до­вых об­щин. В этом утвер­жде­нии же­ла­ние под­черк­нуть ис­клю­чи­тель­но важ­ную роль ду­аль­ной ор­га­ни­за­ции в фор­ми­ро­ва­нии ре­чи, язы­ка как ин­фор­ма­ци­он­ной и ком­му­ни­ка­тив­ной системы об­щ­ества и осо­бен­но зна­чи­мую роль в процессе за­ро­жде­ния об­щес­вен­ных от­но­ше­ний, соци­аль­ных ин­сти­ту­тов.** По по­во­ду пер­вого по­ло­же­ния от­ме­тим, что ран­ее мы не­од­но­крат­но под­чер­ки­ва­ли, что, вы­яв­ляя осо­бен­ности ро­до­вой об­щи­ны как спе­ци­фической формы об­щ­ности лю­дей, не­льзя ее рас­сма­три­вать в от­рыве от процесса за­ро­жде­ния язы­ка как осо­бой зна­ко­вой и ин­фор­ма­ци­он­ной системы [5]. Дан­ная вза­имосвя­зь от­чет­ливо обо­зна­чена в ра­бо­тах А.Ф. Ло­се­ва, под­чер­ки­вав­шего, что «в плане об­щес­вен­ных и лич­ных свя­зей че­ловек... без слова.. «антисоциален, необщителен, **не со­борен** (вы­де­лено мною. - А.Т.)... не ин­ди­ви­ду­ален, яв­ля­ясь чисто жи­вот­ным ор­га­низ­мом» [6]. За­ко­но­мер­ности фор­ми­ро­ва­ния язы­ка как зна­ко­вой системы опре­де­ляют вы­де­лен­ный вы­ше при­знак ро­до­вой об­щи­ны как одно из ее су­щ­ност­ных качеств.

Вся­кая груп­па со­став­ляет един­ство, ос­но­ван­ное на ком­му­ни­ка­тив­ных свя­зях между ин­ди­ви­ду­ами. Качес­тво ком­му­ни­ка­тив­ных свя­зей между ин­ди­ви­ду­ами опре­де­ляет тип груп­пы. Если эти ком­му­ни­ка­тив­ные свя­зи ба­зи­ру­ются на ин­стинк­тах, то груп­па обо­зна­ча­ется пон­я­тия­ми *ста­до*, *стая* и т.д. Об­щ­ество как осо­бая форма груп­пы воз­ни­кает там, где воз­ни­кает новый тип ком­му­ни­ка­тив­ных свя­зей. Ин­ди­ви­ду­аль­ное по­ве­де­ние, ори­ен­ти­ро­ван­ное на ко­ман­ды, на­прав­лен­ные на со­гласо­ва­ние со­вмес­тных по­ве­де­нечес­ких актов, ба­зи­ро­ва­лось на раз­ви­тии зна­ков, ко­торые бы по­ни­ма­лись членами груп­пы как не­ко­то­рая ин­фор­ма­ция, в со­от­вет­ствии с ко­торой они дол­жны были вза­имодей­ст­во­вать. На­ча­ло фор­ми­ро­ва­ния ин­фор­ма­ци­он­ной функ­ции зна­ко­вых систем сле­дует по­ни­мать как пе­ре­ход ин­ди­ви­ду­а к ком­му­ни­ка­тив­ным свя­зям, ба­зи­ру­ю­щимся на сиг­на­лах вто­рой сиг­наль­ной системы. Воз­ник­но­ве­ние об­щ­ества озна­ча­ет пол­ную за­мену пер­вой сиг­наль­ной системы вто­рой, то есть ре­чью. Б.Ф. Пор­шне­в в кни­ге «О на­ча­ле че­ловеческой ис­то­рии» (1974) пред­при­нял по­пыт­ку де­та­ли­зи­ро­вать с ма­те­ри­алистических по­зи­ций процесс пе­ре­хода пер­во­сиг­наль­ных ре­ак­ций в зна­ки вто­рой сиг­наль­ной системы. При этом, рас­сма­три­вая ней­ро­физио­

логические процессы формирования первых знаков, подчеркивал, что «сначала сигналы второй сигнальной системы были всего навсего антагонистами первой сигнальной системы в том смысле, что служили инверсией тормозной доминанты: они были только неким «наоборот» нормальной реакции и ничем больше. После «вторжения вещей» они обретают смысл, т.е. семантическую или номинативную функцию, теперь они противоположны или антагонистичны первой сигнальной системе тем, что сигнализируют нечто отсутствующее в первой сигнальной системе. Это могут быть такие комбинации смыслов, которые либо вообще невозможны и нереализуемы в мире вещей; либо требуют преобразования вещей для приведения последних в соответствие с собой; либо, допустим, несут вполне реальную, т.е. отвечающую вещам, первосигнальную информацию, однако принадлежащую вовсе не данному организму, а другому. Но и на этой ступени, т.е. после «вторжения вещей», суть все-таки еще остается в том, что эти сигналы не соответствуют первосигнальным стимулам и реакциям и, следовательно, подавляют их в данном организме, в чем и состоит природа суггестии» [7].

То, что обозначается у Б.Ф. Поршнева понятием «вторжение вещей» или «рождение слова», представляет не решенную в науке проблему. Однако есть некоторые основания предположить, что дуальность родовой организации имеет непосредственное отношение к этому процессу. Более того, можно предположить, что **дуальная организация выполняла роль морфологической формы, оказывающей необходимое динамическое и структурное давление на сложный процесс формирования знаковой коммуникационной системы.** При этом мы опираемся на данные филологии о том, что «работа сознания начиналась с осознания своего коллектива в его противопоставлении другим коллективам и в дальнейшем отражала все модификации и перипетии этих отношений. Противопоставление «мы» и «не-мы», будучи первой социальной классификацией, было и первой лексико-семантической оппозицией» [8].

Первые слова выражали потребность выразить понятия «мы» и «они». Эту закономерность, выявленную филологами, в исторических и антропологических работах по реконструкции первобытных отношений интерпретируют в общем одинаково: считают определенным содержание понятия «мы» и неопределенным – «они». То есть предполагается, что «они» мыслились древним человеком как некто, кто находился за пределами того, что понимали под «мы». Однако если принять во внимание дуальность родовой общины, то становится очевидной ошибочность такого распространенного взгляда. Дуальность родовой общины предопределяет конкретность содержания понятия «они» в той же степени, что и содержание понятия «мы». Под «они» первобытный человек понимал не всякое существо вне собственного социума «мы», а кон-

кретных людей, составляющих вторую структурную часть дуальной организации. По представлениям первобытного человека, вне «мы» и «они» нет социальной жизни, нет «людей». Только в такой связке можно понять единство и слитность понятий *я и человек, мы и люди*, у древних людей и современных аборигенов [9].

С этими «они» первобытный человек находится в социальных связях, регламентированных социальными нормами. Необходимо отметить напряженную жизнь между «мы» и «они». Без этой связи нет человека, нет социальных отношений. Для формирования сознания, лежащего в основе совместных и согласованных действий, в мире, где царит подражательность как основа группового поведения, обязательно должен быть другой коллектив, на который обращен взгляд человека. Сравнение и сопоставление моего и твоего идет через познание коллективных действий другого не «мы», но «они». Дуальная половина играет своего рода функцию зеркала, через которое он видит свои действия. Так вырабатывается внутренний образ, которым меряются свои и чужие поступки. Следует признать, что социоразделительная функция речи отражает не то, что людям было свойственно обособляться, а именно исключительную важность видеть других, для того чтобы начало формироваться сознание, которое связано именно с формированием внутренних образов, с манипуляциями мозга этими внутренними образами. Когда уже сознание зародилось и его развитие связано в большей степени с развитием предметной деятельности человека, то слова уже в большей степени отражают потребность выразить мир вещей. Идет становление назывательных функций языка. «По мере того как древние слова все менее и менее обращены наружу в качестве «социоразделительных средств», а ориентированы на внутреннюю жизнь становящегося коллектива (группы, общины, племени), в обратной пропорции все более и более эмансипируются вещи. Из слуг они становятся господами: вторая сигнальная система сигнализирует им о них. Начинается история познания» [10].

Не менее содержательно раскрывается значение дуальной организации на первых этапах процесса познания. Нетрудно заметить, что речь идет о начале формирования понятий в элементарном виде – значения слов. Еще более прозрачным становится этот **процесс, если уточним, что понятие возникает тогда, когда слово можно выразить через другое слово.** То есть появляется возможность значения слова передать через другое слово. (Например, топор это рубило). При всей простоте и доступности такой мыслительной операции для современного человека для древности такая операция может быть недоступна именно в силу неразвитости языка в его современной многофункциональности.

Если родовая община использует определенный звук или знак с одной определенной и только ей самой родовой общине понятной связью с вещью

или процессом, то слово с его функцией обозначать снятый с конкретной реальности внутренний образ родиться не может, поскольку определенный звук или знак будет нерасторжимо связан с самой объективной реальностью. Другое дело, если есть дуальная община, с которой происходит взаимодействие, на реальность которой некто смотрит как бы со стороны, в отрыве от своего личного опыта, тогда появляется мыслительный по своей природе процесс, содержание которого включает осмысление того, что звук или знак означает в моей общине одну реальность, а в другой общине другую. Отсюда следующая операция знаменует появление слова, то есть имени той и другой конкретности. Значит, из определенного звука рождается слово, обозначающее объективную реальность или, как мы говорим, вещь. И другое явление, следующее за первым, когда то, что в моей общине связывают с определенным звуком, аналогичное ему в дуальной – с другим звуком. Но то и другое одинаковое, но обозначенное разными звуками. Значит, можно знак использовать как имя другого знака. Именно это называется рождением слова или вторжением вещей. Слово связано не с конкретной реальностью, а с внутренним образом, снятым сознанием с двух или более конкретностей. С этого момента начинается поиск того, что можно называть разными словами. Совокупность первого и второго и есть начало познания как непрерывного процесса, объединяющего человечество, мыслимого не только как совокупность живущих, но и как единство живущих с бесконечностью предшествовавших и последующих поколений людей.

Следующим этапом будет поиск и обозначение того, что А.Д. Плахов обозначает понятием «нормообраза». «Формирование нормообраза в процессе гносеологического отношения субъекта к действительности и осуществление при посредничестве нормообраза прагматических функций человеческого поведения и деятельности (регуляции и управления) есть существенный момент всей нормативной ситуации» [11]. Однако это тема отдельного или, правильно сказать, главного разговора, выходящая за рамки частной, в рамках настоящей статьи, задачи, которую мы видели в характеристике дуальной организации как первой исторической формы общности людей.

Продолжая характеристику дуальной организации как готовой формы общества, необходимо отметить, что совокупность знаков, при помощи которых группа согласовывает коллективные действия, как и первые социоразделительные слова, индивидуальны и самобытны для каждой группы. Наряду с этим действия подражательные, стереотипные, основанные на внутреннем образе, памяти, одновременно воздействуют на сознание, вырабатывая целый комплекс внутренних механизмов регулирования поведения, отличных по своей природе от биологических рефлексов. Значит, с каждым новым актом такого совместного поведения в це-

лом групповое поведение становится все более разнообразным. **При непрерывности процесса непосредственной передачи наработанных группой знаков в совокупности с хранимыми в коллективной памяти такой группы вариантов совместных действий** формируется социальный опыт общины, который аккумулируется в языке. Чем продолжительнее опыт, тем богаче и надежнее информационная система. Чем богаче информационная составляющая, тем сложнее и эффективнее взаимодействие внутри группы. Следовательно, язык как информационная система мог существовать только в условиях сохранения группы, преемственности поколений и ранней социализации детей.

Эндогамность группы создает ситуацию, когда любой язык существует как система кодирования. Им владеют только члены группы, но другим существам проникнуть в «тайные знаки» не дано. Исключение составляет дуальная община, с которой идет непрерывный обмен информацией, а значит, социальным опытом, за счет обмена невестами.

При отсутствии (вследствие постоянного подавления) внутренних детерминантов поведения формирование социального поведения детей осуществляется посредством механизма подражания, выработки стереотипов в поведении, что предопределяет особое значение информации, содержащейся в социальном стереотипе [12]. А потому непрерывность и преемственность, присущие такой общине, являются главным качеством, позволяющим родовой общине не только освоить предметную деятельность, но и на этой основе в своей хозяйственной деятельности выйти за пределы прямой зависимости от природы, а человеку – освободиться от биологических детерминант индивидуального поведения. Аккумуляция социальной информации в языке и возможность передать их новому поколению начинают формировать информационную систему, которая не является прямым отражением объективного мира, данного нам в ощущениях и видимости, а включают знаки и символы, которые опосредуют предметную деятельность человека. То есть начинает складываться интеллектуальная составляющая, формироваться первые обобщенные знания об окружающем мире, и эти знания позволяют манипулировать внутренними образами или планировать предметную деятельность. Эти процессы, повторимся еще раз, тесно взаимосвязаны с развитием языка как информационной системы, содержащей обобщающие знания об окружающем мире. В тесной взаимосвязи этих двух явлений начинается формирование поведенческих стереотипов, характерных для человека социального, а не биологического, то есть в его поведении соотношение между природным, диктуемым врожденными инстинктами и социальным поведением на основе велений группы, сформированным как подражание, как усвоение стереотипов, основанным на понимании зависимости от окружающих его людей больше, чем от природы, неуклонно развивается в сто-

рону его социальной природы. На первых порах такие формы еще хрупкие, первые ростки социального поведения могли быть уничтожены и его главный враг – разрыв преемственности. Только жесточайшая последовательность в родовой преемственности выковала первого человека как существо общественное, а не природное. В этом сложном процессе только непрерывность и стабильность общественных связей есть гарантия социального развития, в силу которой появился первый субъект истории – родовая община. Община, как и человек, может рассматриваться в ее "наиболее абстрактном, сущностном выражении, то есть как существо, наделенное (в силу своей разумности) свободной волей"[13]. Она как единый коллектив была субъектом осознанного поведения: ставила цели, планировала, достигала цели, выбирала методы и пути достижения этих целей из понимания природы, которое исходило не из простого отражения материального мира и совокупности инстинктов биологического существа, а опосредовалось уже достаточно сложной системой знаний, полученных из совокупного опыта и переданных ей в совокупности абстрактных символов в ходе социальной эволюции, то есть от одного поколения к другому. Вот почему, по наблюдению Б. Малиновского, «в примитивных обществах традиция представляет собой наивысшую ценность для общины... Любая небрежность в этом ослабляет сплоченность группы и подвергает опасности ее культурный багаж – вплоть до угрозы самому ее существованию» [14].

С появлением языка как информационной системы (процессом, следует полагать, растянувшимся на века или даже тысячелетия) развитие родовых общин приобретает качественное изменение, в основе которого изменение самого человека: помимо данной природой возможности видеть, слышать, ощущать, а также запоминать собственный опыт, человек получает еще и новое качество – усваивать чужой опыт через знаковую систему и язык; такая общность начинает стремительно развиваться. И это развитие начинает проявляться в последовательном совершенствовании предметной деятельности. Орудия производства, способы охоты, собирательства – все, к чему прикасается человек социальный, означает возможность совершенствоваться через систему аккумуляции и передачи знаний в знаковой, языковой форме. При сохранении преемственности родовая община становится вне конкуренции со всеми другими неорганизованными сообществами. Все это ведет к победе родового строя, к его диффузному распространению.

В завершение вернемся к тому, с чего начали: эпизодически случавшийся распад дуальной родовой общины приводил неминуемо к смерти дуальной организации и родовой общины как таковой. И вызывают принципиальное возражение попытки объединять процессы развития родовой общины и формирование после ее распада новых общин в один процесс социального развития. Необходимо

осознавать появление новой дуальной организации как самостоятельный процесс социального развития.

На самых ранних этапах существования дуальной организации распад приводил к тому, что люди не могли выжить после смерти своих родовых общин. В этом проявление жестокости первобытной жизни и суровой природы, когда выживание людей полностью зависело от навыков совместных действий. Выживали единицы, только те, кто смог обеспечить должный уровень согласованности общих действий. Эта закономерность, в сущности которой специфическое совмещение, с одной стороны, биологического закона, с другой – социального, известного как отбор, селекция. Социальное поведение было единственным критерием отбора и выживания одновременно, поскольку зачатки социальности были практически единственным оружием древнего человека в его противостоянии суровым стихиям.

Распад родовой общины и дуальной организации на более поздних этапах, когда уже имеется развитый язык и на его основе хорошо усвоенная предметная деятельность человека, вместе с этим относительно развитые орудия труда, приводил уже не к гибели, а к формированию множества новых дуальных организаций на базе старых. **Такое развитие уже не новое начальное, а базируется на старом багаже, который сохранен в виде готового языка и готового социального опыта.** Поэтому в случае благоприятного стечения обстоятельств начинает формироваться новая обогащенная форма дуальной организации. Обогащение наступает в силу опять же того самого испытанного механизма: гетерозис (обновление крови, обогащение генотипа), обогащение социального опыта (усвоение членами родовой организации новых, неизвестных приемов и навыков труда), обогащение языка за счет двуязычия детей и т.д. В таких условиях вновь образованная родовая общность выходит на новый виток в социальном развитии.

Следует иметь в виду, что община, познавшая раздел, уже, как правило, не может обеспечить свою непрерывность и на новом уровне обеспечить нерушимость родового единства. Познавшие раздел и в дальнейшем, подойдя к определенному демографическому состоянию, неизбежно будут вновь делиться. С институализацией разделения такой социальный процесс приобретает устойчивые черты, а вместе с ними признаки специфического социального развития, которое базируется на закономерностях, отличных от развития родовой общины.

И последнее, если родовой общине и дуальной организации удастся сохранить социальное единство, то именно на этой базе происходит «мутация» родовых и дуальных связей, из которых закономерно вырастают в будущем специфические социальные институты, которые определяются как государство и право.

Таким образом, дуальная организация, как эндо-

гамное, в своей основе организационное единство двух экзогамных родовых общин, есть первая и готовая форма социальной общности, генетическая основа формирования общества во всех ее исторически известных человечеству формах.

Литература

1. Для родовых общин более позднего периода истории это ограничение имеет несколько иное значение и будет нами показано в специальной статье, посвященной проблеме линейного и спонтанного социального развития.
2. Такие взгляды получили широкое освещение начиная еще с трудов Л.Г.Моргана и Й.Я. Баховена, Дж.Мак Леннана.
3. Цит. по: Мальцев Г.В. Очерк обычного права // Обычное право: теория, история и современная практика. М.; Ростов н/Д., 1999. С. 6.
4. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. - М., 1989. - С. 10.
5. Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят. - Улан-Удэ, 2006. - С.56-58.
6. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. - М., 1982. - С.17.
7. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. - СПб., 2007. - С.459-460.
8. Абаев В.И. Отражение работы сознания // Язык и мышление. - М.;Л., 1934. - С. 237-238, 239.
9. Плахов А.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. - М., 1985.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. - М., 1974. - С.254.
11. Плахов В.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. - М., 1985. - С.15.
12. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. - М., 1982.
13. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. - 2008. - №2. С. 71.
14. Малиновский Б. Магия, наука и религия. - М., 1998. - С. 41.

Тумурова Анна Тимофеевна, канд. юр. наук, доцент, судья Конституционного Суда Республики Бурятия.

Anna Timofeevna Tumurova, candidate of Law, Associate Professor, Judge of the Constitutional Court of the Republic of Buryatia

Email: atumurov09@rambler.ru; konsud01@icm.buryatia.ru